

И.Е.ШТЕЙНБЕРГ,
кандидат психологических наук,
Институт социально-экономических проблем,
Саратов

Крестьянство и власть: тенденции трансформации
Исследование власти в постсоветском селе

Одной из основных задач исследовательского проекта 1991—1996 гг. "Реальная экономика и политика современного российского села" под руководством профессора Теодора Шанина, являлось изучение формальной и неформальной

структуры властных отношений внутри села, психологии восприятия крестьянами внешних и внутренних институтов власти, выявление элиты сельской власти и ее фракций и т.п. Эмпирические данные этого социологического исследования позволяют выявить некоторые тенденции в динамике политических процессов на селе.

Чтобы понять, что такое сегодня власть на селе, надо понять, что такое колхоз без райкома КПСС и сельсовет без советской власти. Ибо пирамида власти села включала аппарат райкома, который, за редким исключением, стратегически и в значительной степени тактически руководил колхозом, а значит и всем селом. До сих пор на дорогах России легче найти село по оставшимся указателям колхоза или совхоза, к которому оно было приписано.

Однако будет ошибкой считать, что это были отношения только господства и подчинения, только полной зависимости бесправного руководителя хозяйства и коллектива работников от всемогущего первого секретаря райкома и машины партийной бюрократии, стоящей за ним.

Тоталитаризм советской власти на селе к началу перестройки являл собой уже слабые отголоски методов правления "львов" (если пользоваться терминологией Н.Маккиавелли) сталинской закалки, т.е. бескомпромиссных, жестких, беспощадно требовательных к себе и другим руководителей-автократов — мастеров силовых методов управления, о которых говорили "строг, но справедлив". На первый план стали выходить "лисы", те, кто "жил сам и давал жить другим".

Это был иной тип руководителей, которые придерживались более гибких методов руководства и более тонких приемов манипулирования сознанием. Тотальный диктат власти над крестьянами в поле и особенно на их личном подворье становился все более формальным. Власть все больше трактовалась как взаимообмен (пусть даже и неэквивалентный, но обмен) и договор между начальником и подчиненным.

Реальная власть в селе принадлежала и принадлежит тому, кто распоряжается жизненно важными для сельского жителя ресурсами: рабочими местами, заработком, сельхозугодиями, кормами, транспортом и стройматериалами. В этом смысле власть руководителя экс-колхоза должна еще более укрепиться, так как исчезло вмешательство райкома во внутренние дела хозяйства, и крестьянин, по выражению наших респондентов — жителей сел ряда областей России, "даже пожаловаться сейчас не знает куда". А власть председателя исполкома сельсовета (сейчас это глава сельской администрации) по тем же причинам осталась формальной.

Но вместе с райкомом исчезла материальная и моральная поддержка колхозу и его руководителю. Сразу же легитимность

власти большинства руководителей хозяйств значительно снизилась, кроме тех, кто обладал личной харизмой, выдающимися организаторскими способностями, и которые свято берегли традиции коллективного хозяйства.

Мы можем взять любые основания легитимности, скажем, традиция, харизма, закон по М.Веберу или сила, богатство, знания по О.Толфулеру, и везде мы увидим, что утрата руководителем номенклатурности равнозначна в восприятии крестьян значительной утрате его легитимности. Прежде всего это проявляется в ослаблении возможностей поддержания руководителем дисциплины и правопорядка, степени его контроля в социальной сфере села.

Здесь, по моему мнению, следует особо остановиться на не достаточно осознаваемой сейчас функции райкома по планированию и тому, что сейчас можно было бы назвать маркетингом деятельности хозяйств. Не случайно на планерки-разборки вызывались не сколько парторги хозяйств, сколько хозяйственные руководители. Не случайно первый секретарь райкома был до избрания, как правило, эффективным руководителем колхоза или совхоза.

Это был реальный управленческий орган (местная штаб-квартира) гигантской государственной продовольственной корпорации, где колхозы и совхозы были предприятиями-филиалами с руководителями-управляющими в лице своих председателей и директоров.

Из этого следует, что экономические неудачи большинства экс-колхозов в районе являются следствием не только внешних объективных факторов, но и связаны с попытками выполнения несвойственных им функций фирм, которые они получили в результате аграрных реформ.

На это указывает быстрая реанимация обанкротившихся хозяйств после их покупки "настоящими хозяевами". В поволжском регионе это, в основном, нефтяные и газовые монополии, государственная железная дорога. Только в особых случаях и при обязательном наличии руководителя, способного преобразовать предприятие-филиал в самостоятельную фирму, бывший колхоз может стать доходным предприятием с собственной переработкой и торговлей.

Прежде чем перейти к описанию выявленных нами тенденций трансформации властных отношений в постсоветском селе и понять их истоки, необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросе восприятия власти крестьянским сознанием.

Изменения отношения к власти в крестьянском сознании

Последствия коллективизации и геноцида против зажиточных крестьян, казачества, духовенства отразились на представлениях

о ценности власти и о степени включенности крестьянства во властные структуры.

Наше исследование показало, что в отношении власти в психологии крестьянства за годы строительства социализма произошла определенная трансформация от отчужденности и избегания участия во властных институциях до стремления приобщиться к номенклатуре.

По родовому определению, крестьянин представляет собой тип личности, в ценностных ориентациях которой "власть" не является значимой ценностью. Патриархальный крестьянин, представленный в отечественной научной и художественной литературе, как правило, старался избегать контактов с властями, у него отсутствовало стремление "пробиться в начальники", т.е. официально входить в штат властных структур.

В наших материалах, касающихся дореволюционного периода жизни села, действительно редко можно встретить упоминания о власти как терминальной или инструментальной ценности. Должности старосты, писаря, урядника, управляющего помещичьим имением описаны без "примерки на себя". Так, должность старосты воспринимается как почетная, но слишком ответственная, "хлопотная" и обременительная обязанность, не дающая каких-либо значительных выгод для семьи.

После революции, по мере развития советских властных структур и формирования новой элиты власти на селе, инструментальная ценность причастности к власти для крестьянина стремительно возрастает.

"Ведь кто у власти, тот и у сласти! Председатель, бригадир, помощник бригадира — они возами с поля везли хлеб-то. Поэтому они и выращивали скотину-то. (А.Самохвалова, колхозная пенсионерка, село Красная речка Новобураского района Саратовской области.)

Стремление проникнуть во властные структуры, поднять свой материальный и моральный статус за счет должности в сельской иерархии власти или через принадлежность родственников к элите власти и ее фракциям стало широко распространенной ценностной ориентацией крестьян.

В стратегии поведения крестьянина появляется устойчивая установка решать свои жизненные проблемы через власть, с помощью и посредством прямой или косвенной принадлежности к органам власти.

Традиция родства, соседства, землячества, обращенная в сторону власти, перерастает из привычных "помочей" в разнообразный "блат", который в этих условиях больше чем протекционизм или nepoтизм — это способ выживания и существования очень многих крестьянских семей.

В наших материалах нет таких семейных историй, где бы члены семьи не пользовались "блатом". В годы репрессий они "по благу" устраивались на городские предприятия без документов. С помощью родственников, работающих в "конторе", получали необходимые справки или переводились на лучшие условия труда.

Включаясь во властные структуры, житель села получал доступ к "дефициту", возможность иметь лучшее медицинское обслуживание, отдых, возможность дать образование детям.

Не случайны, часто повторяющиеся установки крестьянской семьи на то, чтобы "дать детям образование", "вывести в люди", где под этим подразумевалось не только вырваться на "легкие городские хлеба" или "на чистую работу", но "стать начальником".

В крестьянском сознании за 70 лет власть стала важной инструментальной ценностью, способной конвертироваться в материальную собственность, денежный доход, высокий уровень образования, широкий круг полезных социальных связей.

В сети властных отношений, созданной за годы советской власти на селе, преобладали мощные и многочисленные вертикальные связи с областными и районными государственными органами управления и сравнительно тонкие и непрочные горизонтальные связи с торговыми и промышленными и финансовыми предприятиями и организациями. Сегодня сеть властных отношений, по словам наших респондентов, представляет собой обратную картину. Слабые и ненадежные государственные вертикальные связи и многочисленные и разнообразные горизонтальные межличностные связи и отношения, которые определяют экономическую выживаемость сельскохозяйственных предприятий и села в целом.

В условиях переходного периода инструментальная ценность власти в глазах крестьян по-прежнему высока и продолжает расти.

Несмотря на формальное упразднение советской власти на селе, она продолжает функционировать в прежних пределах своих полномочий, поэтому будет уместно говорить о процессах трансформации именно советской власти на селе. Наиболее значимыми из них, по нашему мнению, являются следующие:

меняется характер взаимосвязи политической и экономической жизни села в сторону относительной независимости хозяйственной деятельности сельского общества и его отдельных субъектов;

намечаются тенденции независимости жителя села от вмешательства и регламентации его частной, в том числе производственной жизни, со стороны властных (местных и "городских") структур;

налаживаются механизмы саморегуляции экономических отношений между разными формами деятельности (экс-колхозами и

фермерскими хозяйствами, государственными и частными предприятиями переработки и торговли);

в воспроизводстве властных структур села слабеет традиция номенклатурного принципа подбора и расстановки кадров, что порождает новые проблемы в управлении производством;

закрепляется тенденция на стремление и возможность делать политический выбор, свидетельством чего являются выборы в Думу 17 декабря 1995 г.;

сохраняются тенденции, направленные на восстановление социальной однородности общества как условия достижения социальной справедливости;

экономический кризис, рост преступности укрепляет тенденции к конфронтации и силовым методам решения проблем, веру во власть "сильной руки", что является почвой для установления авторитарного режима;

сохраняется патриархальная тенденция отчуждения от политических проблем, страх и недоверие к представителям государственной власти, к большинству инициатив правительства;

есть признаки стремления к здоровому крестьянскому консерватизму, к отрицанию радикализма в политике и экономике, к традиционным ценностям семьи, религии, сильного государства, сохранению и выполнению общественных норм и правил.

Трансформация элиты власти села

О процессе смены элиты власти в сельском районе пока можно говорить только условно. Дело в том, что резерв управленческих кадров в сельском районе весьма ограничен. Поэтому произошедшая в 1991 г. смена власти на местах похожа на обычную ротацию кадрового состава района. Например, аппарат райкома КПСС, который был сформирован преимущественно из хозяйственных руководителей и специалистов, положительно проявивших себя на своем поприще, как бы вернулся к своим прежним обязанностям.

Но и при прежней кадровой политике они бы заняли примерно такие же руководящие должности в производстве и сфере обслуживания. Хотя теперь их социальный статус в большей мере зависит от их личных полезных социальных связей и собственных предпринимательских способностей.

Однако есть один момент, на котором необходимо остановиться особо. Это участие, условно говоря, "бывшей" и "новой" элиты власти в перераспределении земельного фонда района и, конкретно, в фермерском движении. Имеется в виду неявное приобретение ими и членами их семей во владение пахотной земли. Причем некоторые поля "номенклатурных" фермеров перекрывают принятые в районе нормы земельных наделов в несколько раз. Сегодня

еще трудно оценить последствия конвертации элитой местной власти своего служебного положения в земельную собственность. Этот вопрос требует отдельного изучения.

Какая власть нужна крестьянину?

Представление о том, какая власть нужна сегодня крестьянину, фокусируется в следующем вопросе: "Представитель государственной власти — вождь, партнер или хозяин?"

В зависимости от ответа на этот вопрос строится сегодня политика экономического поведения большинства сельскохозяйственных предприятий в нашем регионе. Сегодня мы можем выделить в обобщенном виде три "тактики выживания" села в современных условиях:

1) стремление видеть в представителях государственной власти партнеров, но одновременно, констатация их финансовой и правовой ненадежности. Как следствие, максимально возможная автономность и независимость от государственных и местных властных структур. Это в основном средне- и высокодоходные фермерские хозяйства и их объединения, а также некоторые крупные и эффективные бывшие колхозы и совхозы.

2) государственная власть — это скорее "вождь", который обязан организовать, направить и позаботиться о своих гражданах. Это проявляется в стремлении к тесному взаимоотношению с государственной и местной властью на основе либо взаимного интереса, либо соображений "моральной экономики". Это проявляется в стремлении руководства хозяйства использовать любую возможность для кредитования производства, причем без особых намерений вернуть кредиты, оправдывая свою тактику экономического поведения тем, что коллективное хозяйство сегодня обязательно преследовать цели не экономического, а социального характера. Экс-колхоз сегодня — это страховой фонд жителя села, даже если он фермер, и добровольно с этой формой хозяйствования никто расставаться не собирается, независимо от показателей рентабельности и производительности хозяйства. Показательна в этом плане фраза председателя колхоза, ныне ТОО "Даниловское" И.И.Коваленко, "село", — сказал он, подразумевая социальную инфраструктуру села, — "больше не на нашем балансе, но по-прежнему на нашей совести". Чаще всего эта тактика встречается у руководителей нерентабельных хозяйств — бывших колхозов и совхозов;

3) государственная власть олицетворяется в виде хозяина-работодателя. Типичное высказывание: "Нам все равно, кто нами управляет, лишь бы платил вовремя и *хорошо*". Это проявляется в поиске "хозяина на стороне", стремлении войти в состав крупной городской фирмы или промышленно-торговой корпорации и ра-

ботать по четкому заказу, без забот о снабжении производства и сбыте продукции, т.е. оказаться в "государстве внутри государства".

В представлении сельского жителя основа идеальной модели власти — определение и соблюдение необходимых и достаточных пределов вмешательства "городской" власти в повседневную жизнь села. Эти пределы определяются спецификой экономической, социальной и культурной сторон сельского образа жизни. Вместе с тем следует определить возможности и ограничения сельского самоуправления, а это проблема сложного сочетания формальных и неформальных институтов местного самоуправления (закон и традиция, контроль поведения официальным органом местной власти и контроль и санкции общественного мнения села).

Например, сегодня необходимо укрепить и дополнить власть главы сельской администрации местным органом самоуправления, представляющим собой периодически действующий совет представителей основных социальных групп села.

Надеюсь, что используемый в нашем исследовании мультидисциплинарный подход и метод сбора данных через "голос снизу" дает возможность представить относительно реальную картину социальных процессов, происходящих в современном российском селе и перспективы его развития.

Т.И.Заславская: Есть ли связь между тремя трактовками власти партнер—вождь—хозяин и голосованием за определенную партию? Какова она?

Ответ: Да, определенная связь есть.. И как раз эта схема родилась не до того, как прошло голосование, а во время и после него. Дело в том, что, действительно, наше хозяйство это просто единица наблюдения, я только об этом могу говорить. Понимаете, там именно так и произошло, что руководители успешных фермерских хозяйств в том огромном списке кандидатов в президенты искали партнеров. И таких партнеров они видели в Св.Федорове и Явлинском. Вождями видели, конечно, Жириновского, Лебеда, в меньшей степени — Зюганова. По силе вождизма Жириновский занимал первое место. В нем были заинтересованы работники наименее профессиональные и наименее заинтересованные вообще в результатах. Это была некая партия отчаяния. В выступлениях Головахи шла речь о феномене массового приbedнения. На мой взгляд, это связано вот с чем. Большая часть жителей нашего села не воспринимает вектора благосостояния от плохого к худшему. И они понимают, что социальная пропасть растет, что они никогда не будут жить, как те, кто живут не просто хорошо, а "бессовестно хорошо" с их точки зрения. Углубляющаяся пропасть вызывает озлобленность, возможность же ее ликвидации они связывают с Жириновским.

В качестве хозяина видят Черномырдина. Что же касается голосования, то у меня создалось такое впечатление, что голосовали не за коммунистов, а за систему социальных отношений, социальных гарантий, которые обеспечивали коммунисты. Вообще говоря, до коммунистов и их лозунга "Вперед, к коммунизму!" крестьянам практически нет дела. Почему? Потому, что вчера действительно было лучше не в том плане, что были какие-то идеи, а в плане материальных, социальных гарантий, которые предоставляли, которыми эта система могла реально обеспечить. В коммунистах сейчас видят тех, кто может реально возродить село.

Вопрос из зала: Есть ли сейчас явная или скрытая безработица, в том числе среди молодежи?

Ответ: Этот процесс сейчас носит какой-то странный характер. Очень трудно сказать сколько вообще работающих на селе, даже среди тех, которые числятся в хозяйстве. В нашем селе работают всего 20 человек. Мы судим по реальным спискам, когда выдается натуроплата. Чем занимаются остальные? Одни числятся шоферами, другие — кем угодно. Существует вот такой феномен двойной бухгалтерии. Так, если взять фермерское хозяйство, то жена фермера одновременно числится и преподавателем в школе. Для молодежи характерно отходничество.

Вопрос из зала: Нельзя ли более подробно рассказать об отношении к земельной аренде как источнику личных доходов?

Ответ: Да, такой источник существует, особенно он свойствен для пенсионеров. Они сдают свои земли и получают натуроплату. Есть еще так называемое "номенклатурное фермерство", когда люди конвертируют свои властные возможности в земельные участки, сдают их в аренду и получают реальные доходы. Это сложный процесс. Я не готов сейчас ответить более подробно.